

Герман Плисецкий
К 85-летию со дня рождения

Золотая серия поэзии

Герман Плисецкий

Хайям, Хафиз, Экклезиаст

Стихотворения и переводы

Москва
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
ПЗ8

Составитель *Д.Г. Плисецкий*

Предисловие *Д.Г. Плисецкого*

Разработка серии *А. Новикова*

Оформление переплета *А. Саукова*

Плисецкий, Герман Борисович.

ПЗ8 Хайям, Хафиз, Экклезиаст : Стихотворения и переводы / Герман Плисецкий ; сост. и предисл. Д. Г. Плисецкого. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-91112-7

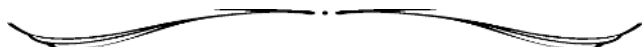
Стихи Германа Плисецкого (1931—1992), выдающегося переводчика восточной поэзии, не печатали в СССР почти четверть века, вплоть до конца 80-х годов. Среди его шедевров — поэма «Труба», стихотворения «Памяти Пастернака», «Михайловские ямбы», «На перекрестке без людей...», «Пустырь», «Бог дал Багдад...» и многие другие.

В эту книгу вошли избранные стихи Германа Плисецкого, его лучшие переводы из Омара Хайяма и Хафиза, а также поэтическое переложение Экклезиаста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

- © Плисецкий Г.Б., перевод на русский язык, наследники, 2016
- © Плисецкий Д.Г., составление, 2016
- © Плисецкий Д.Г., предисловие, 2016
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91112-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Поэт и мастер художественного перевода Герман Борисович Плисецкий (17.05.1931—2.12.1992) родился в семье работников крупной московской типографии, на юго-восточной окраине столицы, у Рогожской заставы:

Водные колонки да торгсины,
по булыжнику колес раскат.
Пылью, лошадьми и керосином
пахла москательная Москва.

«Стихи я начал писать рано, лет в шесть, то есть в 1937-м. Вижу в этом нечто символическое: расстрел не расстрел, но пожизненное заключение, — рассказывал он в конце жизни. — Переводить стихи стал, разумеется, в более зрелом возрасте. Занимался этим время от времени, пока в конце 60-х годов не выиграл в издательстве «Наука» конкурс на переводы Омара Хайяма. Затем перевел газели Хафиза. Так вот

и стал профессиональным переводчиком. Для многих поэтов переводы — лишь средство заработка. Для меня не так. Я очень люблю представить себя другим поэтом, побывать в его шкуре... Мировую поэзию ощущаю как переключку, многоголосье». И впрямь, стихи всегда были главным содержанием, смыслом и целью его существования.

После войны, когда юный Герман с мамой и бабушкой вернулся из эвакуации, а отец пришел с фронта, им дали квартиру на Чистых прудах, где и прошла вся молодость поэта. Он окончил школу с серебряной медалью, а позднее — филологический факультет МГУ. Печатался в газете «Московский университет», работал и гидом вокзальных экскурсий по Москве, и корректором в издательстве, и корреспондентом журнала «Семья и школа». Вступил в Союз журналистов, что отчасти избавляло его от упреков в «тунеядстве» (одна из постыдных примет той эпохи).

В 1960 году Плисецкий уехал ко второй жене в Ленинград, где окончил аспирантуру Государственного института театра, музыки и кино. Затем решил стать кинорежиссером и поступил на Высшие режиссерские курсы, но по указке «сверху» был отчислен. Вероятно, не только из-за участия в полутайных похоронах Бориса Пастернака и ходившего в списках крамольного

стихотворения его памяти: в феврале 1964-го он подписал письмо молодых литераторов Ленинграда в защиту арестованного Иосифа Бродского.

В 1965-м поэт поселился в подмосковных Химках, в крохотной комнатке третьей жены. Тогда он сочинил немало прекрасных стихов, в том числе знаменитую поэму «Труба», но опубликован был лишь пушкинский цикл «Михайловские ямбы» (1967). С тех пор начался его путь профессионального переводчика поэзии. Первой авторской книгой стал сборник персидских народных четверостиший (1969), а подлинное признание пришло после выхода стотысячным тиражом «Рубайата» Омара Хайяма (1972). Друзьям он подписывал эту книгу так: «О. Х. Плисецкий». И следовал завету классика:

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок.

Однако вскоре у «О. Х.» возникли неприятности из-за поэмы «Труба», посвященной памяти тысяч людей, искалеченных и погибших во время похорон Сталина (Плисецкий случайно встретил в этой страшной давке Евгения Евтушенко, который впоследствии назвал «Трубу»

гениальным стихотворением и включил ее в свою антологию русской поэзии «Строфы века»). Автор читал поэму в кругу друзей, затем она просочилась на Запад, прозвучала по «вражьим голосам» и была напечатана в журнале «Грани» и газете «Русская мысль». В октябре 1974-го поэт был допрошен в КГБ («Знаете ли вы, что ваша «Труба» используется нашими недругами за рубежом?»), в декабре — избит неизвестными «дружинниками». Какой-то тип подошел к его жене в подъезде и прошипел: «Уезжайте отсюда — вам здесь не жить!» После письма в Союз писателей и беседы с секретарем «по оргвопросам» Плисецкого оставили в покое до 1980 года, когда его стихи появились в парижском «Континенте»...

Между тем работа над переводами шла своим чередом. Помимо классики Герман Плисецкий переводил множество современных поэтов, с особым успехом — грузинских и армянских. Новым триумфом стал выход в свет сборника «Сто семнадцать газелей» Хафиза (1981). Еще одна «визитка» переводчика — стихотворное переложение библейской Книги Экклезиаста, на что он решился лишь с благословения своего духовника протоиерея Александра Меня (шесть глав с его предисловием опубликовала весной 1990 года «Литературка»).

Стихи же самого поэта начали печатать на родине лишь с 1988-го, в перестройку: «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Юность» и легендарный «Огонек», впервые напечатавший в СССР поэму «Труба» (№ 51/1988) и единственный прижизненный сборник — 30-страничный «Пригород» (1990). К тому времени Плисецкого мучила тяжелая болезнь сердца, и через два года он скончался. «Осиротела наша поэзия. Ушел Мастер», — сообщила уже свободная от цензуры «Литературная газета».

— В чем же причина того, что за всю интенсивную творческую жизнь поэт сумел издать лишь одну небольшую книгу собственных стихов? Почему такой крупный поэт, как Герман Плисецкий, почти полностью ушел в переводы? — размышляет Эммануил Штейн в статье «Великий Хафиз и его русский переводчик» («Новое русское слово», июль 1992). — Возможно, потому, что из двух зол он выбрал меньшее: суровости и жесткости Севера предпочел «двусмысленный Восток» (речь о предсмертном стихотворении «Бог дал Багдад...». — *Прим. сост.*).

По мнению специалистов, как строго ни оценивай наследие Плисецкого, без стихотворения «Памяти Пастернака», поэмы «Труба» и переводов из Омара Хайяма русскую поэзию XX века представить себе невозможно. Лидия Чуковская

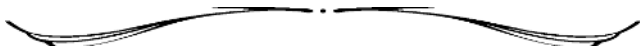
и многие другие называют его переводы Хайя-
ма едва ли не лучшими и блестящими. Фазиль
Искандер, отмечая и темы его стихов (любовь,
жизнь и судьба, Москва, история родной куль-
туры), добавляет, что «для любителей поэзии —
именно поэзии, а не жалких политических на-
меков — книга стихов и переводов Германа Пли-
сецкого будет настоящим подарком».

Дмитрий Плисецкий

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Видел ты меня или не видел?
Может быть, и видел, да забыл...
Слишком мало доказательств выдал
я того, что между вами был.*

ПАМЯТИ ПАСТЕРНАКА

Поэты, побочные дети России!
Вас с черного хода всегда выносили.

На кладбище старом с косыми крестами
крестились неграмотные крестьяне.

Теснились родные жалкою горсткой
в Тарханах, как в тридцать седьмом
в Святогорском.

А я — посторонний, заплаканный юнкер,
у края могилы застывший по струнке.

Я плачу, я слез не стыжусь и не прячу,
хотя от стыда за страну свою плачу.

Какое нам дело, что скажут потомки?
Поэзию в землю зарыли подонки.

Мы славу свою уступаем задаром:
как видно, она не по нашим амбарам.

Как видно, у нас ее край непочатый —
поэзии истинной — хоть не печатай!

Лишь сосны с поэзией честно поступят:
корнями схватив, никому не уступят.

4 июня 1960

МОСКВА КОЛЫБЕЛЬНАЯ 1953 — 1960

КУСТАРИ

Им истина светила до зари
в сыром углу, в чахоточном подвале.
Шли на толкучку утром кустари
и за бесценок душу продавали.

У перекупщиков был острый глаз.
Был спрос на легковесных и проворных.
Бездарный, но могущественный класс
желал иметь талантливых придворных.

И тот, кто половчей, и тот, кто мог, —
тот вскоре ездил в золотой карете.
И, опускаясь, дошли у дорог
к подделкам не способные калеки.

О, сколько мыслей их потом взошло,
наивных мыслей, орошенных кровью!
Но это всё потом произошло,
уже за рамками Средневековья.

* * *

Фигурка вдалеке,
шагающая шатко;
лицо в воротнике,
надвинутая шапка.

И в восемнадцать лет,
и в двадцать восемь шел ты,
шел на зеленый свет,
на красный и на желтый...

Я каблуки собью,
подошвы доконаю —
я молодость свою
по кругу догоняю.

И замечаю вдруг,
к большой своей досаде,
что обогнал на круг
и — оказался сзади.

Деревья-города,
растущие веками!
Тут и мои года
намотаны витками.

Шагать мне без конца
по замкнутой орбите
Садового кольца —
и никуда не выйти...